

Двенадцать лет под знаменами Церкви
РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПАЛЛАДИЗМА
МИСС ДИАНА ВОГАН И ДЬЯВОЛ СРЕДИ ФРАНКМАСОНОВ
Пресс-конференция г. Лео Таксиля в зале Парижского
Географического общества

***Le Frondeur*, 25 апреля 1897 г.**

Более или менее беспристрастно практически все газеты сообщили о памятном вечере в Географическом обществе 19 апреля. Мы посчитали нужным привести полный текст стенограммы пресс-конференции г-на Лео Таксиля.

Сначала необходимо отметить, что весьма многочисленная аудитория состояла из представителей прессы различных стран и различной политической и социальной ориентации, было много монахов, священников, очень много дам, несколько вольнодумцев, несколько франкмасонов.

Нунциат направил туда двоих делегатов; также было представлено архиепископство. Вход был свободным, однако войти можно было только по предъявлении именного пригласительного билета, присланного за месяц до мероприятия.

Первым событием вечера стала продажа с аукциона печатной машинки мисс Дианы Воган. Ее счастливым обладателем стал г-н Али Кеталь, издатель константинопольской *Ikdam*.

Затем г-н Таксиль обратился к аудитории:

Преподобные отцы,
Дамы,
Господа,

Сначала мне видится необходимым передать благодарности моим коллегам по католической прессе, которые – *внезапно* начав кампанию ожесточенных нападок шесть или семь месяцев назад, - породили удивительные результаты; мы уже наблюдаем их сегодня, и в еще большей степени нам предстоит наблюдать их завтра; я имею в виду совершенно исключительный взрыв свидетельств истины, причем, в таком вопросе, решение которого могло пройти совершенно не замеченным нами, если бы ни они.

Именно этим моим коллегам, соответственно, адресуются мои первые поздравления! И через несколько мгновений они поймут, насколько эта благодарность чистосердечна и оправданна.

Сегодня вечером я постараюсь забыть обо всех несправедливых и оскорбительных домыслах, опубликованных обо мне в ходе полемики, о

которой я только что упомянул. Или, в любом случае, если я и разьясню некоторые особенные факты в неожиданном для многих свете, я всего лишь скажу правду, отогнав от себя всякую тень малейшего негодования.

После этих разьяснений, время которых наконец настало, эти мои католические коллеги, вероятно, не разоружатся пред моей мирной философией. Однако, если мое доброе расположение будет их раздражать вместо того, чтобы умиротворять, я уверяю их в том, что ничто не заставит меня потерять хладнокровие и спокойствие, приобретенные мной за последние двенадцать лет и дарящие мне невероятное ощущение безграничного счастья.

Кроме того, если эта высокочтимая аудитория действительно составлена из представителей разнообразных слоев и групп общества, - поскольку приглашались представители всех направлений общественной мысли без всякого предпочтения, - я, в любом случае, убежден в том, что эта аудитория владеет даром мягчайшей терпимости, по крайней мере, на первый взгляд. Называя вещи своими именами, мы здесь все свои, все образованные люди. Все мы способны сделать допущение о правдивости сказанного нам и принять его во внимание с необходимыми серьезностью и бесстрастностью. Однако когда представленный нашему вниманию факт превосходит все известное нам своим остроумием, нас это тоже не тревожит. Лучше смеяться, чем плакать, как гласит мудрость народов.

Далее я обращаюсь к католикам.

И я говорю им: когда вам говорили, что доктор Батейль (Bataille), верный целям католицизма, одиннадцать лет провел в исследованиях самого темного дна тайных обществ, лож и тайных лож¹, и даже люциферианских Треугольников, вы совершенно одобрили его действия, вы нашли его поведение достойным восхищения. Он буквально утонул в похвалах. Хвалебные статьи публиковались даже той партией, которая ныне не жалеет гневных молний, дабы обратить в пепел мисс Диану Воган, называя ее то мифом, то авантюристкой и гадалкой.

Если даже пересмотреть сейчас похвалы, расточавшиеся в прошлом в адрес д-ра Батейля, нельзя отрицать тот факт, что они все же имели место. Блестящие теологи, красноречивые проповедники, достопочтенные прелаты наперебой поздравляли его. И я не говорю, что они были не правы.

Я всего лишь констатирую факт.

¹ Во французском оригинале - *arrières-loges*, то есть, буквально, «задние ложи», то есть тайные, скрытые за ложами так сказать «официальными».

И цель этой констатации – в том, чтобы позволить мне прямо сказать следующее.

Не сердитесь, преподобные отцы, но лучше от всего сердца посмейтесь, когда вам скажут, что сейчас произошло нечто противоположное тому, что вы ожидали. Здесь нет и тени правоверного католика, исследующего, приклеив фальшивый нос, высшее масонство Палладизма. Напротив, здесь имел место вольнодумец, который ради собственного интеллектуального роста, *а не в силу отвращения или ненависти*, проник в ваш лагерь и ходил по нему в течение не одиннадцати, а целых двенадцати лет, и... это ваш покорный слуга.

Смешанная реакция, шепот, смех

В этой истории не было никакого масонского заговора, как я вскоре собираюсь вам доказать. Давайте оставим Гомеру, певцу странствий и перипетий Улисса, рассказ о знаменитом Троянском коне; об этой огромной лошади в данном случае не может быть и речи. Сегодняшняя история гораздо менее драматична.

Ваш покорный слуга в один прекрасный день сказал себе, что, в слишком юном возрасте ударившись в безверие, и, вероятно, с чрезмерным апломбом, он, вполне возможно, совершенно не имеет представления об истинном положении вещей. Затем, действуя только от своего собственного имени, стремясь изменить свой разум и видя для этого причины, никому не передоверяя принятие решения по данному вопросу, он посчитал, что обнаружил средство расширения своего кругозора и успешного поиска новых знаний для себя самого. Добавьте к этому, если пожелаете, немного шалости и немного его природного темперамента, - не зря он родился в Марселе!

Смех

Да, добавьте сюда еще милое удовольствие от развлечений, которые отвергает большинство людей, но которые, тем не менее, вполне реальны, эту глубинную внутреннюю радость от хорошо сыгранной над своим противником шутки, лишенной злого умысла, всего лишь увеселения и смеха ради.

Ну что же, должен сразу сказать, эта шутка длиной в двенадцать лет с самого начала научила меня кое-чему значимому, а именно, что я действительно превысил допустимую меру с самого начала и что в большинстве случаев ошибкой с моей стороны было нападать на конкретных людей.

Я чувствую себя обязанным сделать это замечание, но, должен признать, делаю его с легкостью. За эти двенадцать лет, проведенные под знаменами Церкви, пусть я и завербовался в это воинство как шутник и мистификатор, я все равно осознал, насколько неверно приписывать учения пороки тех или иных людей. Последние – в самой природе человеческой. Плохой человек остается плохим, точно так же как и хороший человек продолжает творить благо, верует он или наоборот – теряет веру. Честных людей, равно как и бесчестных, можно встретить повсюду.

Одобрительные выкрики

Соответственно, я провел сам для себя исследование, которое принесло некие плоды. Это исследование принесло мне душевное равновесие, мою внутреннюю философию, о которой я уже говорил выше.

Начал я просто как любопытствующий, естественно, надеясь немедленно прекратить, как только обрету необходимый опыт, однако потом сладостное удовольствие мистификации овладело мной, подавив все остальные чувства, и я надолго остался в католическом лагере, постепенно вырабатывая свой план одновременно веселой и поучительной мистификации и постепенно придавая ей все больший размах.

Со временем я заимел двух соратников – не более двоих: один из них был другом моего детства; началось все с того, что я подвез его по пути, а затем он выступал в моем розыгрыше под псевдонимом «доктор Батейль»; второй была мисс Диана Воган, французская протестантка, скорее, даже вольнодумка, профессиональная машинистка и представительница одной североамериканской фирмы, производящей печатные машинки. И тот, и другая были мне необходимы для того, чтобы успешно завершить последний этап нашего веселого розыгрыша, который американские газеты теперь называют «величайшим обманом современности».

Смешки, шепот

Конечно, этот последний этап должен был завершиться в апреле, месяце радости, месяце розыгрышей, - и давайте не забывать, что этот розыгрыш начался также в апреле, а именно 23 апреля 1885 г. – и только этот последний этап я собираюсь разоблачить сегодня; потому что если бы я рассказывал все с самого начала, со всеми секретными подробностями, это заняло бы несколько дней. В любом случае, эта маленькая первоапрельская наживка принесла огромного кита.

Взрыв хохота

Как бы то ни было, неплохо было бы осветить несколькими лучами мягкого света отправную точку нашего рассказа.

Среди множества максим искусства кулинарии чаще других повторяют вот эту: «На повара можно выучиться, а поворачивателем вертела нужно родиться». Совершенство в науке поворачивания вертела просто недостижимо. То же самое, я уверен, можно сказать и о науке розыгрыша: мистификатором нужно родиться.

Сначала я приведу некоторые соображения о начале этой моей достойной карьеры.

Давайте начнем с моего родного города. Никто в Марселе до сих пор не может забыть историю про акул, разорвавших прибрежные бухты. В газетах публиковались письма рыбаков, содержавшие описания чудесных спасений от злобных животных. Среди купальщиков распространилась паника, и пляжи от Каталан до Прадо опустели на несколько недель. Муниципальный комитет был расстроен; мэр предположил, совершенно, впрочем, справедливо, что «акуля зараза», скорее всего, пришла с Корсики вслед за кораблем, экипаж которого наверняка выбросил за борт часть испортившегося груза копченого мяса. Муниципальный комитет проголосовал за то, чтобы направить письмо генералу Эспивану де ла Вильебуасне – военное положение еще не было снято, - с требованием о проведении вооруженной экспедиции на буксире. Достопочтенный генерал, только и мечтая услужить администрации, которую он сам назначил в милом и дорогом моем родном городе (*смех*), итак, генерал Эспиван, в настоящее время сенатор, отправил тогда сотню хорошо вооруженных солдат, снабженных достаточным количеством боеприпасов, в экспедицию. Спасательное судно покинуло гавань под приветственные клики мэра и депутатов, бухты были тщательнейшим образом изучены во всех направлениях, но солдаты возвратились с пустыми руками: там было не больше акул, чем, например, в этой вот комнате!

Общий смех

Позднее проведенное следствие показало, что все письма с мест, якобы от рыбаков, были подложными. Рыбаков с такими именами никогда не было в упомянутых там населенных пунктах; и более того, когда все эти письма были собраны вместе, стало очевидным, что они написаны одной и той же рукой. Автора розыгрыша тогда не нашли. А теперь он стоит перед вами. Все это произошло в 1873 г.; мне было тогда девятнадцать лет. Искренне надеюсь, что генерал Эспиван простит мне то, что я однажды нанес своим розыгрышем ущерб его престижу в глазах всего народа. В

конце концов, он же закрыл мою газету *La Marotte, journal des fous*². И вся эта выдумка с акулами была достаточно безобидной мстью за это, не правда ли?

Несколько лет спустя я проживал в Женеве, скрываясь от судебного преследования по нескольким обвинениям в связи с моей издательской деятельностью. К тому времени судьбу *La Marotte* уже успели повторить *La Fronde* и *Le Frondeur*. В один прекрасный день весь научный мир был потрясен новым поразительным открытием. Наверное, кое-кто в этой аудитории помнит, в чем было дело: появилось сообщение, что на дне Женевского озера, между Нионом и Коппетом видели смутные очертания подводного города. О проходящих там поисках постоянно сообщалось в газеты всех четырех концов Европы. Газеты получали также вполне научные комментарии происходящего, основывающиеся на «Записках...» Юлия Цезаря и утверждавшие, что город, скорее всего, был построен во времена римского завоевания, когда озеро было таким узким, что Рона пересекала его поперек, даже не влияя на водные течения в нем самом. Да уж, это открытие наделало повсюду много шума, кроме, конечно, собственно Швейцарии. Жители Ниона и Коппета совершенно не удивлялись, когда постоянно прибывающие в их места все новые и новые туристы просили показать им подводный город. Местные рыбаки наконец начали вывозить на озеро самых настойчивых из туристов. На воду лили масло, якобы, чтобы лучше видеть дно, и действительно, многие потом сообщали, что что-то видели... (*Общий смех*) Ну, там, остатки прямых упорядоченных улиц, перекрестков... откуда мне знать, что еще? Один польский археолог съездил туда и по возвращении, удовлетворенный, написал отчет, в котором утверждал, что умудрился разглядеть на дне некий объект, который совершенно определенно был руинами конной статуи. Институт отправил на озеро двоих своих представителей, но по прибытии на место они немедленно были встречены городскими властями, которые сообщили им, что все сообщения о подводном городе – это простая газетная «утка», и они возвратились назад, к сожалению, так ничего и не увидев.

Подводный город не пережил исследования учеными. (*Продолжительный смех.*) Отец-основатель подводного города на дне Женевского озера, откровенно говоря, для возможно более широкого распространения легенды воспользовался услугами крайне полезного своего помощника – такого же изгнанника, как он сам, и вряд ли следует отдельно упоминать, что он также уроженец Марсея; это мой друг и коллега Анри Шабрие, ныне проживающий на берегах Сены, как и я сам. Оба эти анекдота, как и сотни других, которые я также могу вам пересказать, предназначены лишь доказать вам, что увлечение вашего

² Буквально: «Свой конек: журнал для дураков».

покорного слуги масштабными, но безобидными веселыми розыгрышами насчитывает более двадцати лет.

Ну а теперь я перейду к рассказу о самом масштабном розыгрыше в моей жизни. Он заканчивается сегодня и, думаю, является последним, потому что после этого я сомневаюсь, что кто-либо из моих коллег даже из представителей исландской или патагонской прессы поверит моему, или кого-либо из моих приятелей, свидетельству о каком бы то ни было невероятном событии.

Голос с места: - Это уж точно!

Смех.

Легко понять, что широкое распространение и слава моих безбожных писаний отнюдь не облегчили мне вхождение в святая святых Церкви – меня встретили с огромным недоверием. Однако мне необходимо было проникнуть туда и встретить интерес к себе и уважение, чтобы недоверие ко мне рассеялось, по крайней мере, в высших эшелонах и я мог наконец осуществить свой колоссальный розыгрыш на тему современного дьяволопоклонничества.

Голос: - Отвратительно! И не стыдно признаваться в таком жульничестве?!

Для того, чтобы добиться установленной перед собой цели, было нужно, совершенно необходимо, чтобы о моей тайне не знал никто, даже самые близкие друзья, даже моя жена, - по крайней мере, вначале. Лучше уж было казаться знакомым немного сдвинувшимся. Один лишь прокол мог похоронить всю идею. Ставки в моей игре были высоки, потому что я играл очень сильным соперником. (*Голос:* - Да уж!) Напротив, ненависть одних, печальное раздражение других были моими главными козырями, потому что я ожидал, что в первые годы буду находиться под неусыпным наблюдением. Как бы то ни было, моим старым друзьям нелишне будет напомнить о некоторых звоночках, которые не зря прозвенели для них тогда.

Например, после публикации письма, в котором я отрекался от всех своих прежних безбожных писаний парижская группа членов Антиклерикальной Лиги созвала Общую ассамблею, которая проголосовала за мое исключение. Делегаты с удивлением встретили меня там, потому что не думали, что я явлюсь; мое появление там действительно было поразительно и необъяснимо, потому что я не собирался оправдываться перед членами лиги и не пытался вступить с ними в дискуссию, чтобы переубедить, как сделал бы на моем месте вновь обращенный, пылая рвением неофита. Нет! Я пришел на это собрание, заявив, что пришел

попрощаться – хотя оставил их уже более трех месяцев назад! – но в действительности чтобы, улучив момент, сказать то, о чем мог бы напомнить им потом, когда придет время. Большинство членов этой лиги были моими друзьями. Некоторые из них плакали, и я был этим очень тронут...

Журналист-католик: - Тронуты? Вы? Да бросьте! Вы над ними издевались, как сейчас – над нами!

Уверяю вас, уход от них дался мне нелегко. Но думайте как хотите. Хотя я и был уязвлен, я оставался спокоен в самую жестокую бурю: обратитесь к газетам того времени.

Закрывая собрание, президент Лиги предложил следующую резолюцию, за принятие которой делегаты проголосовали единогласно:

«Принимая во внимание, что человек по имени Габриэль Жоган-Пажес, также известный под именем Лео Таксиль, один из основателей Антиклерикальной лиги, отрекся от принципов, за которые ранее выступал, предал идею свободомыслия и всех своих соратников-атеистов, члены Лиги – участники собрания 27 июля 1885 г., отказавшись принять во внимание мотивы такого недостойного поступка человека, известного под именем Лео Таксиль, исключают его из Антиклерикальной лиги как предателя и ренегата».

Я тогда возразил по поводу одного, только одного слова во всей резолюции. Предполагая, что некоторые из моих старых друзей по Лиге, присутствовавших на собрании в июле 1885 г., присутствуют также и сегодня в этом зале, я осмелюсь напомнить им формулировку своего протеста. Я вполне спокойно и мирно сказал: «Друзья мои, я принимаю эту резолюцию, за исключением одного только слова». Президент прервал меня возгласом: «Какая наглость!». Но я спокойно продолжал: «Вы имеете право утверждать, что я ренегат, потому что всего лишь четыре дня назад я опубликовал письмо, в котором я открыто отказываюсь и отрекаюсь от всех своих писаний, направленных против религии. Однако я попросил бы вас вычеркнуть из резолюции слово «предатель», которое в моем случае неприменимо; в том, что я предпринимаю сейчас, нет и тени предательства. *То, что я вам здесь и сейчас говорю, вы не можете понять, но поймете позже*». Я не хотел делать чересчур большое ударение на последнем предложении, потому что не мог позволить им что-либо заподозрить. Но я сказал это достаточно четко и ясно, чтобы эта моя фраза запаала им в память, хотя толковать ее, конечно, можно было по-разному.

И когда мне представилась возможность опубликовать отчет об этом собрании, я осмотрительно пропустил это свое заявление, которое могло бы заставить возможных читателей насторожиться.

Второй факт. Между тем днем в апреле, когда я пришел к священнику и сообщил ему о своем обращении, и днем собрания, исключившего меня из рядов вольнодумцев, в Риме произошел антиклерикальный конгресс, одним из организаторов которого я являлся. Не было ничего легче для меня, чем совершенно дезорганизовать его работу и привести его к полному провалу. Происходил этот конгресс в первых числах июня. Все члены лиги полагали в то время, что я отдавал все свои силы без остатка во имя его успеха; и действительно, только произошедшая в те же дни смерть Виктора Гюго сумела отвлечь от этого конгресса общественное мнение.

Позже, когда выяснилось, что с апреля и снова вижусь со священниками, многие говорили и писали в прессе, что я ездил в Рим только для того, чтобы обсудить условия своего предательства и тайно был принят в Ватикане. В мою биографию даже включали факт получения там некоей крупной суммы, писали, что это был миллион.

Смех.

Я ничего не ответил, потому что мне было все равно и потому что я сам внутренне смеялся над этими обвинениями.

Но сегодня я с полным правом заявляю, что все было совершенно иначе. Среди гостей сегодня присутствует один мой старый приятель, который тогда сопровождал меня повсюду в этом путешествии и ни на минуту не оставлял одного. Он присутствует здесь и не оспорит того, что я скажу. Хоть раз он оставил меня одного? Хоть раз покинул ли я его, чтобы сделать что-то могшее вызвать подозрения? Нет.

И это еще не все. Во время той же самой поездки, уже на пути обратно, во Францию, мы остановились в Генуе. И я настоял на необходимости посетить кое-кого, с кем меня связывали дружеские узы, а именно генерала Канцио-Гарibaldi – зятя Гарibaldi. Во время встречи с ним меня сопровождал тот самый приятель, о котором я только что говорил, и еще один, который тоже жив и здоров, а именно доктор Бодон, недавно избранный депутатом от Бове. Оба они могут засвидетельствовать, что во время встречи я на минутку отошел в сторону вместе с Канцио. А Канцио может засвидетельствовать, что я ему сказал тогда: «Дорогой Канцио, должен вам сказать, но только это строго между нами, что очень скоро я окажусь в центре огромного общественного скандала. Ничему не удивляйтесь и верьте мне». Более я ничего ему не сказал, а позже даже

боялся, что и так сказал слишком много. В последующие два-три года Канцио, несмотря на публичный разрыв отношений со мной, посылал мне поздравительные открытки на Новый Год. Потом, видимо, полагая, что обещанное мной откладывается на неопределенный срок, он перестал проявляться.

И наконец, один из моих бывших коллег, испытывавший ко мне немалую симпатию, продолжал видаться со мной, несмотря ни на что. Он уже умер; его звали Альфред Полон, мировой судья. (*Голос*: - Он уже умер и не возразит вам!) Подождите, пожалуйста. Я знаю, что, будучи человеком проницательным и постоянно наблюдая за мной, он понял, что я просто дурю людям головы.

Смешанная реакция. Голос: - Так вы обманывали католиков и гордитесь этим?! Какой скандал!..

Полон, мой бывший коллега, не разорвавший со мной отношений, часто порывался защищать меня, что мне, откровенно говоря, только мешало. Одному из моих друзей он говорил: «Лео трудно поймать на слове. Сначала я думал, что он тронулся, но потом, когда я возобновил отношения с ним, я увидел, что он наоборот совершенно в здравом уме и твердой памяти. Я этого не понимаю: что-то мне говорит, что он еще душой и умом с нами, я это чувствую. Я никогда не затрагиваю религиозные вопросы в разговорах с ним, потому что вижу, что он не собирается вынимать кота из мешка, но я бы жизнь свою прозакладывал, что он не работает на попов; однажды он нас всех весьма удивит...».

Альфред Полон сам не может засвидетельствовать то, что он понял тогда, но он говорил об этом многим своим знакомым. И если таковые присутствуют в этом зале сегодня, я спрашиваю их: правда ли, что, говоря обо мне, Полон так выражал свои мысли?

Голоса с мест: - Правда! Правда!

Давайте перейдем к рассказу о собственно розыгрыше, об этом смешном и в высшей степени назидательном розыгрыше. В высших церковных эшелонах не поверили доброму простодушному священнику, которому я поведал, как был обращен перстом Господним, подобно Савлу на пути в Дамаск. «Этот волк в овечьей шкуре очень подозрителен», - подумали большие церковные шишки. (*Смех*.) Посему было решено, что на следующий день после публикации моего письма об отречении от своих писаний меня отвезут на некоторое время в маленький пансион преподобных отцов-иезуитов, где обо мне будет заботиться назначенный специально для этой цели ведущий специалист по копанию в душах и наставлению их на путь истинный. Выбрать такого было непросто. Мне

пришлось ждать целую неделю назначения достаточно компетентного для меня специалиста. Он оказался бывшим армейским капелланом, ставшим иезуитом, и это был хитрец из хитрецов! Его мнение было очень весомо.

Ох и в тяжкую игру мы с ним задумали играть!.. Как вспомню – сразу голова болит. Помимо прочего, дорогой духовный руководитель заставил меня заниматься Духовными упражнениями по Святому Игнатию. Я мало что в них понял, но, по крайней мере, обязан был пролистать их, чтобы создалось впечатление, что я глубоко проник в эти невероятные размышления. Не то было время, чтобы позволить себя поймать. Полное покаяние привело меня к полной и окончательной победе. Оно заняло не менее трех дней. (*Продолжительный смех.*) И в конце я нанес последний сокрушительный удар.

Я все сказал о том и о сем – да практически обо всем, но мой партнер по игре заподозрил, что я скрываю и еще какой-то смертный грех, очень, очень большой, в котором не могу признаться, грех, открыть который мне гораздо более тяжело, чем сознаться в тысячах и тысячах богохульств. Но наконец он должен был все же открыться, этот ужасный грех.

Дамы и господа, мне нет нужды испытывать ваше терпение так же долго, как его: грех мой состоял в убийстве, первом классе убийстве, наверное, самом отчаянном и страшном убийстве. Нет, я не убивал целые семьи, но даже не будучи Тропманном или Дюмоларом³, я вполне заслуживал гильотины, откройся это преступление кому бы то ни было.

Я взял на себя труд изучить по газетам сообщения о людях, пропавших без вести за три года до этого, и придумал на их основе небольшую сказочку. Однако преподобный отец не позволил мне рассказать ему ее до конца и со всеми подробностями. Он и так подозревал меня в совершении ужаснейших кощунств и преступлений, но я сумел удивить даже его – он никак не рассчитывал увидеть перед собой коленопреклоненного убийцу. (*Смех.*)

Как только первые слова признания слетели с моих губ, преподобный отец буквально отскочил в сторону. Ах вот как! Теперь он понимает мое смущение, мою зажатость, мое обыкновение так подробно обсуждать казалось бы совершенно незначительные детали... А как жег меня стыд, когда я признался в своем преступлении! Мне было не только стыдно, я был обескуражен, подавлен, напуган... В моей истории фигурировала вдова одной из жертв, и преподобный отец взял с меня обещание, что я впредь буду тайно выплачивать вспомоществование этой вдове. Он и слышать не желал никаких имен, но только хотел выяснить, убивал я по умыслу и

³ Герои известных уголовных процессов времен Таксила.

расчету или без оных. После длительных запираТЕЛЬств я наконец пал под гнетом стыда и признал существование умысла.

Священник: - То, что вы сейчас делаете, отвратительно, мсье.

Голос: - В наказание ни один священник более не примет вашей исповеди. Вы последний подонок!

Волнение в зале.

Голос: - Все священники должны сейчас просто встать и выйти!

Аббат Гарнье: - Нет! Мы должны выслушать этого негодяя до конца.

Часть слушателей встает и выходит.

Выйдете вы или останетесь, теперь уже все равно. Я продолжаю.

Я должен выразить свое истинное почтение этому достойному отцу-иезуиту. С законом у меня никогда после этого не было проблем. То есть таким образом, мой розыгрыш помог мне проверить строгость соблюдения тайны исповеди. Если я когда-нибудь поведаю историю этих двенадцати лет во всех подробностях, я сделаю это точно так же, как сегодня, беспристрастно и спокойно, аббат Гарнье! (*Одобрительный гул.*) На этом этапе я посчитал, что одержал первую победу в начале кампании. Кто бы ни сказал преподобному отцу в тот момент, что я не настоящий обращенный, всякий получил бы с его стороны самую суровую отповедь. (*Смех.*)

В мои планы не входило торопиться с посещением Верховного Понтифика⁴. Однако мое признание в совершенном убийстве имело фантастический успех, хотя надзиратель за моим уединением в Кламарте и сохранил его в тайне. И действительно, единственное, что он мог сказать своим начальникам, доверившим ему исследование глубин моей души, было: «Лео Таксиль? Я ручаюсь за него!».

Итак, раз недоверие Ватикана ко мне рассеялось, как мне было заслужить его доверие и одобрение, дабы довести свой розыгрыш до желаемых высот? Чтобы осуществить, к вящей своей радости, эту мечту, я должен был заслужить одобрение Святого Престола в рамках претворения в жизнь планов Церкви. Эта часть моего плана была разработана еще до начала его осуществления, как только мне пришла в голову мысль заняться историей католицизма.

За год до описываемых событий Верховный Понтифик прославился энцикликой «*Humanum Genus*», которая полностью соответствовала давно укоренившейся в умах воинствующих католиков идее. Гамбетта⁵ сказал:

⁴ Папы Льва XIII.

⁵ Известный французский политик того времени.

«Клерикализм – вот наш враг!». Церковь возразила: «Настоящий враг – масонство!». Соответственно, клевета на масонство, мне было удобнее всего заложить фундамент колоссального розыгрыша, невыразимую радость от осуществления которого я уже заранее смаковал в глубине души.

Сначала франкмасоны буквально взбесились; они не предполагали, что терпеливо подготовленное завершение розыгрыша потонет во всемирном взрыве хохота. Они-то думали, что я с Церковью навсегда. Они говорили и повторяли снова и снова, что я таким образом мщу за то, что меня исключили из ложи в 1881 г.. Эта история хорошо известна; она ни в коей мере не порочит меня и является следствием небольшого скандала, вызванного двоими людьми, которые с тех пор пропали, причем, при достаточно плачевных обстоятельствах.

Нет! Я не мстил – я развлекался. И если сейчас кто-нибудь возьмется анализировать обстоятельства той кампании в прессе, даже масоны, наиболее враждебно настроенные по отношению ко мне, им придется признать, что я никому не навредил. Я даже берусь утверждать, что оказал значительную услугу французскому франкмасонству. (*Голос с места*: - Вы зашли слишком далеко!) Простите, подождите моих объяснений, и уверен, вы непременно согласитесь со мной. Я имею в виду, что публикация мной ритуалов была определенным образом связана с реформами, направленными на избавление от устаревших обычаев, которые стали уже просто смешны в глазах масонов, не понаслышке знакомых с понятием «прогресс».

Давайте пока оставим все это в стороне и суммируем факты. Поскольку моей целью стало изобретение на пустом месте всех возможных элементов современного дьяволопоклонничества – а это потруднее, чем город на дне Женевского озера, - необходимо было продвигаться постепенно, шаг за шагом, закладывая фундамент, откладывая и высиживая яйцо, из которого предстояло появиться на свет палладизму. Розыгрыш такого масштаба за один день не делают.

Голос: - Само собой!

С первого дня своего обращения я выяснил, что некоторое количество католиков совершенно убеждены в том, что принятое в масонстве определение Высшего Существа как «Великого Архитектора Вселенной», не соотносящееся с какой-либо определенной религиозной конфессией, что это определение используется масонами для того, чтобы скрывать под ним имя Люцифера, то есть Сатаны, дьявола.

Голос: - Ну уж хватит! Он снова стал масоном!

Смех.

Голос: - Продолжайте! Это интересно!..

То тут, то там я постоянно слышал разговоры, будто дьявол время от времени появляется в масонских ложах и даже председательствует на их собраниях. Это мнение пользуется широкой поддержкой среди католиков. Гораздо больше хороших людей, чем можно было бы себе представить, убеждены в том, что законы природы могут время от времени отменяться добрыми или злыми духами и даже простыми смертными. Я однажды чуть с соляной столб не обратился, когда меня попросили о чуде. Однажды ко мне в дом ворвался, как ураган, добрый фрибургский каноник и сказал мне буквально следующее: «Ах, господин Таксиль, вы святой! Ибо Господь спас вас из столь глубокой бездны, что на вас, видимо, почитет целая гора милости Божьей. Как только я услышал о вашем обращении, я сел на поезд – и вот я тут! По возвращении я не только смогу рассказывать всем, что видел вас, но и что вы явили мне настоящее чудо!» (*Смех.*) Я не ожидал такой просьбы. «Чудо? – переспросил я. – Я вас не понимаю, господин каноник!» «Да, чудо! – повторил он. – Не имеет значения, какое, главное, чтобы я стал его свидетелем. Любое чудо, какое пожелаете. Откуда мне знать? Ну вот, например... Ну, например, вот этот стул. Превратите его в трость, в зонтик...»

Продолжительный смех.

Я понял, что ему нужно. И я мягко отказался сотворить подобное чудо. И каноник возвратился во Фрибург с сообщением, что я могу творить страшные чудеса, но из жалости не стал этого делать при нем.

Через пару месяцев он прислал мне гигантский сыр Грюйер, на корке которого вырезал религиозные надписи, разные загадочные иероглифы; отличный был сыр, который все никак не кончался и который я ел с неизменным почтением.

Смех усиливается. Некоторые священники протестуют.

Соответственно, моя первая книга о масонстве представляла собой пестрое собрание разнообразнейших ритуалов с включением нескольких моих собственных вполне невинных изобретений, не могших быть истолкованы в дурном смысле. Каждый раз, когда в тексте ритуалов встречался не вполне ясный пассаж, я истолковывал его с католической точки зрения, состоящей в том, что верховным великим мастером франкмасонов является Люцифер. Но повторяю, истолковывал я совершенно невинно и не напрямую. Я мягко стелил, подготавливая почву, чтобы потом вскопать ее поглубже; я сеял семена тайны, чтобы они потом дали хорошие и обильные всходы.

Через два года такой подготовительной работы я отправился в Рим.

Голос: - Ага! Наконец-то!

Сначала меня приняли кардиналы Рамполья и Пароччи. Я имел удовольствие выслушать похвалы их обоих в адрес моих, по их словам, отличных книг. Да, конечно, ведь в этих книгах «раскрывалось» все то, что давно было «отлично известно» Ватикану. Просто чудо как им повезло с этим новообращенным, опубликовавшим масонские ритуалы!

Смех.

Кардинал Рамполья называл меня «дорогой мой», подружились мы с ним – просто не разлей вода. И как он жалел, что я в масонстве дорос только до Ученика! Но коль скоро мне удалось добыть ритуалы, единственное, что мне непременно нужно было сделать, - это опубликовать их. Он сказал, что получил в моих ритуалах подтверждение всему тому, что ранее вычитал в соответствующих документах, находящихся во владении Святого Престола. Он получил подтверждение всему! Даже тому, что стоило не больше марсельских акул или города на дне Женевского озера!

Голос: - Негодяй! Подонок! Мерзавец! Скотина!

Что же касается кардинала Пароччи, то его больше всего интересовал вопрос масонских «сестер». Мои «ценные откровения», правда, оказались для него не новы.

В разных местах зала смех и ропот.

Я приехал в Рим неожиданно, не зная о том, что частную аудиенцию у Верховного Понтифика следует назначать заранее, и довольно задолго, однако я был приятно удивлен тем, что мне совершенно не пришлось ждать, и Святой Отец беседовал со мной добрых три четверти часа.

Голос: - Вы негодяй!

Чтобы победить в этой новой игре, я сначала играл осторожно, особенно в первый вечер, проведенный в беседе с кардиналом – государственным министром. Определенно, он был удовлетворен результатами беседы со мной. Однако, в первую очередь, я стремился внушить ему, что я возвышен душой... ну, может быть, не так, как добрый фрибургский каноник, конечно...

Смех.

По результатам доклада обо мне кардинала Рамполья я был допущен к Святому Отцу, о встрече с которым я так давно мечтал. С момента своего возвращения под знамена Церкви я успел понять одну великую истину: невозможно стать хорошим писателем, если не умеешь влезть в шкуру своего персонажа, если не поверишь – хотя бы на минуту, – что все это не вымысел, а чистая истина. Когда на сцене разыгрывается отчаяние, слезы ни в коем случае не должны быть фальшивыми; третьеразрядный актер вытирает платком сухие глаза, в то время как корифей театрального искусства плачет взаправду.

Голос: - Мерзавец! Мерзавец!

Поэтому утром перед аудиенцией я настолько вошел в образ, что ощутил себя готовым на все и неспособным запутаться, несмотря ни на что.

Шум на минуту перекрывает голос оратора.

Когда Святой Отец спросил меня: «Сын мой, чего ты желаешь?» - я ответил: «Святой Отец, умереть у ваших ног прямо сейчас! Это было бы величайшим счастьем для меня!»

Смех.

Голос: - Уважайте Льва XIII! Вы не смеее произносить его имя!

Лев XIII с улыбкой успокоил меня, сказав, что жизнь моя все еще очень ценна для церкви в ее борьбе. Потом он коснулся вопроса франкмасонства. В его личной библиотеке, сказал он, были все мои новые книги на эту тему. Он прочитал их от корки до корки и также был убежден в сатанинской сути этой секты. Он сказал, что мне очень повезло, что, будучи всего лишь Учеником, я понял, что здесь не обошлось без дьявола. Верховный Понтифик подчеркнул слово «дьявол», и я и сейчас отлично помню его угрожающую интонацию, с которой он повторял: «Дьявол! Дьявол!»

Уходя, я пребывал в уверенности, что мой план удастся осуществить до конца. Важно было начинать собирать урожай, как только созреют первые плоды. Дерево современного «люциферианства» уже пустило первые побеги. Нужно было заботливо выращивать его еще несколько лет...

Потом я переписал одну из своих книг, включив в нее «палладистский» ритуал, предположительно переданный мне, а в действительности выдуманный мной от начала до конца.

Голос: - И мы вынуждены слушать все это! Какая мерзость!

Так родился палладизм, иначе говоря, высшие степени люциферианского масонского посвящения. Новую книгу приняли буквально на ура, особенно учитывая рецензии во всех журналах, принадлежащих отцам Общества Иисуса.

Настало время мне отойти в сторону, иначе самый удивительный розыгрыш современности вскоре постигло бы плачевное разоблачение. Я начал поиски первого соучастника. Мне нужен был некто много путешествовавший и способный составлять описания таинственных люциферианских треугольников и глубин палладистского учения, тайно управляющего деятельностью всех открытых и тайных лож всего мира.

В Париже я встретил своего старого приятеля по коллежу, который долгое время служил корабельным врачом. Сначала он вообще был не в курсе моего розыгрыша. Я дал ему прочесть несколько книг, написанных под влиянием моих поразительных откровений. Автором самой выдающейся из них был епископ Порт-Луи (Маврикий) иезуит монсеньор Мерен, приезжавший в Париж проконсультироваться со мной. Вы уже представляете себе, как много он узнал!

Смех.

Этот милейший монсеньор Мерен, образованный востоковед, в данном случае, уподобился тому польскому археологу, который обнаружил в центре моего подводного города конную статую.

Смех.

Взяв за отправную точку идею, что франкмасоны поклоняются дьяволу, и убежденный в существовании палладизма, он открыл поразительное потаенное значение древнееврейских слов, используемых масонами в качестве паролей и т.д. в многочисленных и разнообразных ритуалах разных уставов. Ленты, фартуки, ритуальные орудия труда, - он изучил все, что только можно было. Он тщательнейшим образом исследовал мельчайшие детали вышивок на самых незначительных деталях туалета, когда-либо принадлежавших масонам, и - ведомый верой в истинность моих открытий, - находил следы палладизма повсюду. Как лучшие часы своей жизни я всегда буду помнить время, когда он читал мне свою рукопись. Этот толстенный том - «Франкмасонство: синагога Сатаны» - очень способствовал убеждению моего приятеля-врача в том, что во всех масонских ритуалах действительно скрыт некий люциферианский смысл.

Честно говоря, доктору-то все это было до лампочки. Но раньше он по-любительски занимался спиритизмом, изучал его. Он знал, что во всем мире существуют люди, открыто верующие в сверхъестественные явления, призраков, духов, вервольфов и др. Он отлично знал, что в узких кругах оккультистов случаются время от времени жулики, которые показывают своим «коллегам» «призраков», потому что те слишком часто забывают об иллюзионной технике Роберта Гудена. Но он не знал, что такое случается и в масонстве. Он не знал о существовании особого ритуала палладистского масонского оккультизма. Он ничего не знал о палладизме и его треугольниках, об Избранных Волхвах и тамплиерских Госпожах, вообще обо всей вепоражающей воображение всевластной организации, полностью изобретенной мною, существование которой, однако, уже было со всей серьезностью научно подтверждено монсеньором Мереном и другими исследователями.

В своей книге «Есть ли женщины в масонстве?» я вывел нового персонажа – Великую Мастерницу палладизма, Софию-Сафо, имя которой обозначил одной первой буквой – «W». Полное ее имя я поведал только своему приятелю-врачу. И он поверил в существование Софии Вальдер. Я не хотел бы, чтобы между нами возникло взаимное недопонимание. Прочитав книги, подобные произведению монсеньора Мерена, доктор поверил в существование палладизма и во всех персонажей, которые появлялись по мере развития моего розыгрыша. Но я нив коей мере не требовал, и не мог требовать, от него веры в реальность якобы имевших место сверхъестественных явлений.

Шум. Один монах смеется и начинает аплодировать к удивлению и возмущению окружающих его священников.

Вот как я обратился к приятелю-врачу с просьбой о сотрудничестве: «Хочешь вметсе со мной поработать над книгой о палладизме? Я, например, отлично знаю эту тему, но ритуалы здесь представляют для меня гораздо меньший интерес, чем, например, повествование об удивительных событиях, каковым мне довелось стать свидетелем, особенно тех, в которые трудно поверить... Кроме того, чтобы наилучшим образом затронуть душу читателя, автор должен сам выступать в роли героя. Не убежденного палладиста, но напротив – ревностного католика, нацепившего люциферианскую маску, чтобы, рискуя жизнью, провести расследование этих тайн. Мы присвоим тебе псевдоним, а публике сообщим, что, по тем-то и тем-то причинам, автор отказался сообщить свое имя читателям, например, потому что в данный момент он занялся расследованием деятельности на этот раз нигилистов...

Смех.

Ты будешь известен лишь небольшой группе церковников, и этого хватит. Ты передашь мне маршруты своих странствий по миру, а я набросаю для тебя схему, которую тебе останется только художественно расписать во всех подробностях. Потом я заберу у тебя рукопись, отредактирую, кое-что уберу, кое-что добавлю от себя, исправлю и перепишу... Ты напишешь медицинские замечания, описания городов и несколько эпизодов путешествия. Я же внесу описание технических сторон палладистского ритуала, описание людей, которые должны появиться в ходе путешествия на сцене, ну, и еще несколько эпизодов от себя. Ты мне нужен как соавтор всего на тридцать – сорок публикаций. И не бойся опровержений: как ты уже, наверное, понял из работ, которые я давал тебе прочесть, существуют два типа палладистов: психи, которые действительно верят в то, что Люцифер – это добрый бог, но что поклонение ему должно еще, по крайней мере, в течение нескольких лет продолжаться тайно, и кукловоды, которые управляют психами, дергают их за ниточки, а сами проводят над ними какие-то там оккультные опыты. Ни первый, ни второй тип не станет открыто протестовать и что-то там опровергать, потому что первым условием членства в палладистской организации является хранение строжайшей и совершенной тайны. Кроме того, стоит им публично опровергнуть наши публикации, успеха им это не принесет, потому что они окажутся в положении оправдывающихся».

Мой приятель-врач согласился, и дабы укрепить его веру в существование палладизма вопреки всем выдумкам о значении символических треугольников, которые мы сочинили с ним вместе, я отправил ему несколько писем от имени Софии Вальдер. Софии возмущалась тем, что он, якобы, утверждал, что встречался с ней. Получив третье из четырех ее писем, он сказал мне: «Боюсь, эта женщина устроит скандал и всем докажет, что все помои, которые мы на нее вылили, – просто ложь».

Смех.

Я ответил: «Успокойся, это она так, для проформы. По правде говоря, ей самой жутко нравится читать о себе, будто она умеет ходить сквозь стены и владеет змеей, которая пишет своим хвостом пророчества у нее на спине».

Смех.

Я связался с ней и вскоре был ей представлен. Она хорошая девочка. Она палладистка-обманщица. Ее все это до смерти веселит. Хочешь, я тебя ей представлю?»

О, как он этого хотел! Боже! Он был так рад познакомиться с Софи Вальдер! Несколько дней спустя я снова отправил этому приятелю письмо от Великой Мастерицы палладизма. Она согласилась принять его. Мы должны были встретиться у меня дома и оттуда отправиться на обед к Софии-Сафо... Мой приятель заявился ко мне разодетым в пух и прах, в полном парадном костюме, точно собрался на прием в Елисейский дворец. Я показал ему свой письменный стол... и все рассказал... или почти все. Софии Вальдер – это миф. Палладизм, величайшее мое творение, существует только на бумаге и в паре тысяч голов! Он не поверил. Пришлось продемонстрировать ему некоторые доказательства. Убедившись, что на этот раз я не разыгрываю его, он нашел мою шутку страшно смешной и согласился продолжать сотрудничество со мной.

Кое-что я забыл ему рассказать, например, то, что я собираюсь сообщить ему во время нашей с вами конференции. Почему, например, мы выбрали для него псевдоним «доктор Батейль». Во-первых, необходимо было подчеркнуть, что мы ведем войну с палладизмом. Но во-вторых – и это был мой основной мотив как начинающего шутника, – одним из моих лучших друзей был в свое время, к сожалению, уже покойный блистательный Сапек, король розыгрыша в Латинском квартале. Я словно снова оживил его, потому что настоящая его фамилия была «Батейль».

Продолжительный смех.

Однако приятеля-врача было мне определено недостаточно для завершения своей работы. В своей книге «Дьявол в XIX веке» я приготовил сцену для вступления на нее Великой Мастерицы люциферианства и ее обращения. В этой книге я вывел Софию-Сафо, которую нарисовал самой черной краской. Я постарался сделать ее елико возможно более отвратительной для католиков, совершенным образом воплощенного демона женского пола, купающегося в святотатствах, настоящей сатанисткой, каких встретишь только в книгах Гюисмана.

София-Сафо, или мисс Софии Вальдер, была нужна мне, чтобы противопоставить ее другой люциферианке, напротив, достойной сострадания, такому ангельскому существу, лишь по праву рождения принадлежащему к палладистским кругам. О ее существовании и должна была сообщить книга, «сочиненная» для католической публики «доктором Батейлем».

Голос: - О мерзавец! О низкий жулик!

Теперь, поскольку эта люциферианская женщина должна была в какой-то момент обратиться в истинную веру, мне наверняка

понадобилось бы некое ее подобие из плоти и крови, чтобы предъявить публике по первому требованию.

Незадолго до моей новой встречи со старым приятелем-врачом мне по долгу службы пришлось встретиться с одной машинисткой – европейской представительницей крупной компании из США, производящей печатные машинки. Я передал ей для перепечатки толстую рукопись. В ее лице я встретился с женщиной активной, умной, образованной и вынужденной часто путешествовать по делам своей фирмы. Она была наделена игривым юмором и изящной простотой в общении, как большинство выходцев из протестантских семей. Вы прекрасно знаете, что лютеранки и кальвинистки, даже запрещая себе роскошество в одежде, тем не менее, часто идут на уступки моде. Отец ее и мать были французами, но уже умерли. Американцем был только ее прадед. Несмотря на сходство фамилий, она никакими родственными узами не связана с Эрнестом Воганом, бывшим администратором *Intransigent*⁶. Во Франции живут несколько семейств по фамилии Воган, а уж в Англии и США Воганов просто не счесть. Я обязан был это сказать, потому что в противном случае вы могли подумать, что господин Эрнест Воган, с которым я был знаком в прошлом и чей шурин остался близким моим другом, вы могли подумать, как я уже говорил, что господин Эрнест Воган прямо или косвенно выступал в роли моего сообщника. Так вот: мисс Диана Воган не является его родственницей – просто у них похожие фамилии. Это чистой воды совпадение.

Мне с ней страшно повезло. Никто не мог бы лучше, чем мисс Воган, подойти мне. Оставался единственный вопрос – примет ли она мое предложение. Я не мог ее спросить об этом прямо в лоб. Сначала я хорошенько изучил ее. Понемногу, постепенно, шаг за шагом я заинтересовал ее всяким дьяволизмом, и ей это понравилось. Она, как я уже говорил, скорее вольнодумка, чем протестантка. И действительно, ее ужасно порадовало, что в наш век прогресса все еще существуют люди, которые совершенно серьезно верят во всю эту средневековую чепуху.

Голос: - Мы не затем сюда пришли, чтобы выслушивать все это!

Голоса: - Нет, продолжайте! Продолжайте!

Удивительно, что те, кто приходит в бешенство от того, что я говорю, - это те же самые люди, которые давали мне высказываться в своих газетах... Я продолжаю.

Сначала я вызвал мисс Воган на разговор в связи с письмами Софи Вальдер. Она согласилась попросить одну свою подругу написать их своей

⁶ Парижская газета.

рукой. Таким образом я получил доказательство того, что женщины могут гораздо лучше хранить тайну, чем приписывает им молва, и что если они любопытны, то платой за удовлетворение этого любопытства для них является верное хранение тайны. Приятельница мисс Воган никогда и никому так и не сказала, что это она написала письма Софи Вальдер. Да их и было-то немного.

И наконец я убедил мисс Воган стать моей сообщницей во время претворения в жизнь последней триумфальной стадии моего розыгрыша. Я заключил с ней соглашение на тщательно оговоренных условиях. 150 франков в месяц за перепечатку рукописей и переписывание от руки писем. Не подлежало отдельному обсуждению положение о том, что в случае необходимости для нее отправиться в поездку, все ее дорожные расходы будут оплачены, - но она никогда не принимала никаких дополнительных сумм в качестве безвозмездного дара. Честно говоря, розыгрыш понравился ей самой, и она с удовольствием принимала в нем участие. Переписка с епископами, кардиналами, получение писем от личного секретаря самого Верховного Понтифика, рассказывание всем им сказок, сообщение Ватикану о подробностях люциферианского заговора, - все это невероятно веселило ее, и она часто благодарила меня за вовлечение ее в этот невероятно забавный и такой колоссальный по масштабам розыгрыш. Владей она в действительности тем огромным богатством, которое мы приписали ей в своей легенде, дабы повысить авторитет ее мнения в глазах общественности, говорила она, она ни за что бы не согласилась сотрудничать со мной за назначенную мною плату, но наоборот, сама от чистого сердца оплатила бы все расходы.

Именно она познакомила нас с несколькими частными почтовыми агентствами, которые помогли нам несколько снизить расходы. Она ранее пользовалась услугами одного такого агентства в Лондоне и теперь сообщила ему о нас. Также она наладила контакты между мной и *Alibi-Office* в Нью-Йорке.

Книга «Дьявол в XIX веке» была написана в основном для того, чтобы представить общественности мисс Диану Воган, которой предстояло сыграть главную роль в моем розыгрыше. Будь ее фамилия Кэмпбелл или Томпсон, мы бы так и назвали нашу прелестную люциферианку – «мисс Кэмпбелл» или «мисс Томпсон». Мы только «превратили» ее в американку, случайно родившуюся в Париже. Мы придумали, что семья ее родом из Кентукки. Это позволило нам сделать ее историю максимально захватывающей, окружая ее биографию неисчислимыми поразительными подробностями, реальность которых впоследствии никто не сумеет проверить. (Смех.)

Другая причина, по которой мы разместили центр современного палладизма в Чарльстоне, что в Соединенных Штатах, связана с покойным генералом Альбертом Пайком, основателем и Великим Мастером Шотландского Устава в Южной Каролине. Этот знаменитый масон, наделенный обширной эрудицией, был одним из настоящих светочей этого ордена. Но с нашей помощью он стал «первым люциферианским Папой, верховным главой всех масонов мира, который каждую пятницу ровно в 3 часа дня совещается с Мастером Люцифером во плоти». (*Взрыв хохота.*)

Загадочнее всего в этой истории то, что некоторые масоны приняли участие в нашем розыгрыше, хотя их никто об этом не просил. По сравнению с углой лодчонкой, которую я запустил в море, сообщив об акулах в марсельских бухтах, лодка палладизма превратилась в настоящий эсминец. С помощью доктора Батейля эсминец превратился в эскадру, а когда к ней присоединилась мисс Диана Воган, эскадра выросла в целый боевой флот. (*Смех.*)

Мы с удивлением наблюдали, как некоторые масонские журналы, включая *La Renaissance Symbolique*, заглотили наживку в виде «внутреннего циркулярного письма» люциферианского оккультного центра от 14 июля 1889 г., написанного мною собственноручно в Париже, но заявленного мною же как привезенное из Чарльстона мисс Дианой Воган от самого Альберта Пайка, его автора.

Когда я в этом письме назвал Адриано Лемми наследником Альберта Пайка в качестве люциферианского Верховного Понтифика – хотя Лемми был избран масонским Папой не во дворце Борджиа, а у меня в кабинете, – когда масонам стало известно об этом его «избрании», несколько итальянских масонов, включая и одного депутата парламента, восприняли это совершенно серьезно. Они разозлились на Лемми за то, что он держал свое новое назначение в тайне и что они узнали о нем только из не умеющей хранить секреты профанской прессы. Они разозлились на Лемми за то, что он якобы держал их в неведении относительно знаменитого палладистского ордена, о котором уже говорил весь мир. Они встретились на конгрессе в Палермо, учредили три независимых Верховных Совета в Неаполе, Флоренции и на Сицилии и избрали мисс Диану Воган почетным членом и протектором своей федерации.

Голос: - Это вы удачно их разыграли!

Другой голос: - Эти масоны были вашими сообщниками!

Да не дай бог! Я хотел бы снова повторить, что лишь два человека, кроме меня самого, были посвящены в тайну розыгрыша: мой приятель-врач и мисс Диана Воган. Неожиданно для меня помощником мне стал – хотя и не будучи соучастником, что бы он сам об этом впоследствии ни

говорил, - господин Марджотта, франкмасон из Пальми, что в Калабрии. Начинал он как очередная жертва моего розыгрыша, потом увлекся этим розыгрышем больше остальных и, к вящей радости моей, позже рассказывал мне, что встречался в Великой Мастернице палладистов во время ее путешествий по Италии. (Смех.) Правда, я приложил все усилия к тому, чтобы убедить его доверять мне. Я внушил ему, что такая поездка в действительности имела место; я создал вокруг него атмосферу палладизма; я устроил ему встречу в Риме с управляющим делами Папы Льва XIII, который ранее несколько раз встречался за обедом с мисс Дианой. (Громкий смех, протестующие реплики.) Затем я упомянул в разговоре с ним, что в ходе этой предполагаемой поездки, когда она в 1889 г. везла в Европу циркулярное письмо Альберта Пайка, она встречалась с несколькими группами масонов в течение двух вечеров в Неаполе, в отеле «Виктория». Я знал, что г-н Марджотта – поэт, посвятивший два тома своих стихотворений Бовио, а потому взял на себя смелость утверждать, что в 1889 г. мисс Диану представляли масонам Бовио и Косма Панунци. Я добавил, что они все вместе пили чай, но что братьев-масонов было так много, что она не запомнила ни их лиц, ни имен. Г-н Марджотта начал – сперва весьма осторожно и скромно – намекать на воспоминания, оставшиеся у него от этой встречи. Потом, увидев, что все воспринимают его слова спокойно и мисс Диана не возражает ему, он разошелся. По правде говоря, он зашел слишком далеко... Позже, когда я старался предотвратить разоблачение своего розыгрыша при полном молчании со стороны Комиссии, когда в то же приблизительно время наш розыгрыш был разоблачен в Германии, когда я согласился со своим приятелем-врачом, что нужно вызвать волнения в среде кардиналов, когда мы с Батейлем, как всегда, вместе, придумали историю про дуэль между нами, у г-на Марджотта наконец раскрылись глаза, он испугался всеобщих насмешек и решил объявить себя соучастником розыгрыша – только бы не оказаться в глазах общественного мнения добровольной слепой игрушкой.

Но нас не могло быть больше, чем было. Нас было трое, и этого было вполне достаточно. Редакторы всех изданий поверили нам раз и навсегда. В любом случае, им не на что жаловаться. Во-первых, потому, что наши удивительные разоблачения принесли им одобрение и солидную поддержку на епископальном уровне, не говоря уже о высокой оценке со стороны авторитетных теологов, которые и бровью не повели, когда у нас крокодил играл на фортепьяно, а мисс Диана Воган путешествовала на иные планеты. Во-вторых, наш тройственный союз позволил им представить публике целых два сочинения, каждое из которых способно оспаривать пальму первенства у «Тысячи и одной ночи» и было с радостью поглощено публикой, которая до сих пор продолжает читать эти произведения, уже без веры, но из любопытства.

Действительно, странно, что нашу историю с такой легкостью проглотила публика XIX в. Я задаю себе вопрос, на каком основании сейчас злятся бывшие сторонники разоблачения неприкрытого палладизма. Если ты понимаешь, что тебя провели, лучше всего посмеяться над собой вместе со всеми остальными. Да, господин аббат Гарнье! А если вы будете злиться и дальше, над вами только больше будут смеяться.

Аббат Гарнье: - Вы негодяй!

Аббата пытаются успокоить.

Тех, кто пал жертвой палладистского розыгрыша, можно разделить на две основные категории. Во-первых, это искренне, совершенно искренне уверовавшие в истинность всего, что им сообщали. Они пали жертвой своей теологической науки и детальных исследований всего, что касалось масонства. Мне пришлось погрузиться в изучение обеих этих наук, чтобы так все выстроить и выдумать, чтобы им никогда не удалось заподозрить, что все мной придуманное – это розыгрыш. Разве мне кто-нибудь поверит, если я скажу, что просто было обмануть господина де ла Рива, воплощение пытливого ума, всегда с микроскопом изучающего мельчайшие детали и подтексты, который даст фору любому следователю-криминалисту? Вот уж он может гордиться тем, что заставил меня потрудиться!.. Вся моя история о палладизме была отлично выстроена с масонской точки зрения, поскольку многие масоны – даже несколько «тридцать третьих», если угодно! – ни на секунду не усомнились в ее истинности и даже просили меня ходатайствовать об их приеме в этот орден. (*Смех.*) Невозможность палладизма как такового буквально бросается в глаза, если просто дать себе труд проанализировать все сверхъестественные несуразности, которые мы «вложили» в него. Однако вся эта дьявольщина служила преподом только для тех, кто не верил в эту дьявольщину в том ее виде, в котором она описана в других, теологических, книгах. Действительно, когда Асмодей переносит мисс Диану Воган в райские кущи, это не более удивительно, чем когда Сатана привел Иисуса Христа на вершину горы и показал там ему все царства земные... в то время как Земля-то круглая! (*Голоса: - Браво!*) Вера у человека или есть, или ее нет. (*Смех.*)

Кроме первой категории обманутых, была и вторая, и входящие в нее люди были обмануты не полностью. Добрые аббаты и монахи, восхищавшиеся мисс Дианой Воган потому, что она была для них новообращенной масонской люциферианской сестрой, имеют полное право и дальше думать, что такие женщины-масонки существуют. Они их никогда не встречали, не видели, но, наверное, думают, что это потому, что просто в их епархии их нет. В Риме – другое дело. В Риме вся информация собирается в едином центре. В Риме все отдают себе отчет в том, что не существует иных масонок, кроме матерей, жен, сестер и дочерей масонов,

которых приглашают на банкеты, общие празднества, или которые собираются отдельно на небольшие, очень скромные и пристойные встречи женских сообществ, подобных, например, обществу Восточной Звезды или Дочерей Революции в Соединенных Штатах. (*Ропот одобрения.*)

Стоит только задуматься об этом – и сразу становится понятно, что если масонские сестры и существуют, именно такие, какими рисуют их антимасоны, обращение какой-нибудь из них произошло бы много раньше, и она уже давно огласила бы признания, подобные выдуманном нами! Энтузиазм, с которым Рим принял обращение мисс Дианы Воган, примечателен. Отметьте, пожалуйста, что монсеньор Лаццарески, делегат Святого Престола в центральном Комитете Антимасонского союза, дал разрешение провести трехдневную службу на День Благодарения в римской церкви Святого Сердца!

Гимн Жанне Д' Арк, предположительно сочиненный мисс Дианой, исполнялся на антимасонских мероприятиях Римского комитета. Эта музыка стала чуть ли не священной, она торжественно звучала во всех базиликах Святого Города. А в действительности это мотив из «Филармонического шприца», музыкальной шутки, написанной для развлечения обитательниц гарема, одним моим приятелем, дирижером оркестра султана Абдула Азиза. (*Продолжительный смех. Голоса: - Какая гадость! О, подонок!*) Над таким энтузиазмом со стороны Рима поневоле начинаешь задумываться. Вот еще два факта. Под псевдонимом «доктор Батейль» я рассказал, и под псевдонимом «мисс Воган» подтвердил, что в центре масонского храма в Чарльстоне есть ниша, в которой устроена часовня для поклонения Люциферу.

Возгласы с места.

г-н Оскар Гавард: - Епископ Чарльстонский заявил, что это ложь.

Так и есть. Я как раз собирался об этом сказать. Но вы рано радуетесь. Подождите минутку! Я писал, что в чарльстонском масонском храме есть комната, треугольная в плане, которая называется *Sanctum Regnum* и главным украшением которой является чудовищная статуя Бафомета, которой поклоняются высокопоставленные масоны. А в другой комнате, писал я, стоит статуя Евы, которая оживает, когда владыка Сатана испытывает особое расположение к Великой Мастернице тамплиеров, а потом эта статуя на мгновение превращается в демоническую Астарту, чтобы одарить поцелуем избранную Мастерницу. Я даже опубликовал «план» масонского храма, полностью составленный мной самим. И католическому епископу чарльстонскому монсеньору Нортропу пришлось специально ехать в Рим, чтобы убедить Верховного Понтифика в том, что написанное мной – полная чушь. Об этой поездке никто и ничего не узнал бы, не имей епископ Нортроп несчастье позволить взять у себя

интервью по дороге в Рим. Так почтеннейшей публике и стало известно, зачем он ехал к Папе. Епископ сказал тогда: «Это ложь, совершеннейшая ложь, что чарльстонские масоны возглавляют какой-то люциферианский орден. Я хорошо знаком с самыми высокопоставленными из них. Они протестанты, действующие из наилучших побуждений. Никто из них не занимается оккультными практиками. Я посетил их храм и не нашел там ни одну из комнат, описанных д-ром Батейлем и мисс Воган. Представленный план – фальшивка». По возвращении из Рима монсеньор Нортроп больше ни против чего не протестовал и вообще с тех пор вел себя предельно тихо. Мисс Диана Воган, наоборот, написала ответ епископу, в котором утверждала, что он сам масон, а она действует по благословию Папы. (*Ропот удивления.*)

Во-вторых, пользуясь псевдонимами «доктор Батейль» и «мисс Диана Воган», я описал невероятно секретные мастерские, расположенные в подземельях под английским фортом в Гибралтаре, в которых человекоподобные чудовища производят всю необходимую для палладистских ритуалов утварь, и мисс Диана Воган, когда высокопоставленные чиновники папской курии спросили ее об этом, с радостью ответила им в своем обычном очаровательном духе, мол, все это сущая правда, а в кузнечных горнах гибралтарских мастерских горит адское пламя. (*Смех.*) Монсеньор апостольский викарий Гибралтара, с другой стороны, писал, что его заставили сказать нескольким людям, будто вся история об адских мастерских – нелепая выдумка, ни на чем не основанная и лишь вызывающая его праведный гнев в адрес изобретателей подобных глупых легенд. Ватикан не решился опубликовать письмо апостольского викария Гибралтара, и мисс Воган получила благословение Папы. (*Аплодисменты. Голоса: - Браво, Таксиль!*) Не зачитать ли мне благодарственные письма мисс Воган?

Католические журналисты: - Ложь! Благословения не было!

Что? Вы смеете это отрицать? Вот, например, письмо с одобрением, и весьма весомое! От кардинала Пароччи, викария Его Святейшества, от 16 декабря 1895 г.

«Мисс, дорогая дочь наша во Господе!

С живым и нежным чувством получил я Ваше доброе письмо от 29 ноября вместе с экземпляром *Neuvaine Eucharistique*... Его Святейшество поручил мне от его имени засвидетельствовать Вам сердечнейшее его благословение... Я уже давно сочувствую и симпатизирую Вам. Ваше обращение – поразительнейшее торжество Господней милости. В настоящее время я читаю Ваши «Мемуары...», которые просто удивительны.

Примите уверения, что я не забывал о Вас все это время, особенно в своих молитвах. Вы же не уставайте благодарить Спасителя нашего Иисуса Христа за великую милость, оказанную Им Вам и величайшее свидетельство Его к Вам любви. Примите мои благословения и верьте мне.

Вечно Ваш в сердце Иисусовом,
Л. М., кардинал-викарий».

Вот еще одно письмо на официальном бланке руководящего Совета Антимасонского союза, являющегося высшим исполнительным органом борьбы с масонством. Этот комитет был учрежден самим Папой, а его руководителем является официальный представитель Святого Престола монсеньор Лаццарески. Слушайте:

«Рим, 27 мая 1896 г.

Мисс,

Монсеньор Винченцо Сарди, ордин из личных секретарей Святого Отца поручил мне написать Вам письмо от имени самого Его Святейшества.

Также я уполномочен сообщить Вам, что Его Святейшество с огромным удовольствием прочел вашу *Neuvaine Eucharistique*. Командор Альята беседовал с кардиналом-викарием об истинности Вашего обращения. Его преосвященство уверен в ней, однако он потребовал от нашего руководителя заверений, что тот не будет объявлять о Вашем обращении публично. Его преосвященство ответил командору Альята буквально следующее: «Я не могу раскрывать секреты канцелярии Святого Престола».

Ваш, воистину верный Господу нашему,
Родольфо Верцики
Генеральный секретарь».

Также личный секретарь Льва XIII, тот самый господин Винченцо Сарди, о котором шла речь выше, написал вот это письмо:

«Рим, 11 июля 1896 г.

Мисс,

Спешу выразить Вам свою благодарность за посланную мне Вами новую книгу о Криспи...

Это книга, подписанная мисс Дианой Воган, в которой содержится утверждение, будто Криспи заключил договор с демоном по имени Габорим, что в 1885 г. Криспи присутствовал на палладистском собрании,

в ходе которого демон по имени Битру, представляя узкому кругу итальянских политиков Софии Вальдер, объявил им, что вышеупомянутая София 19 сентября 1896 г. родит девочку, которой суждено стать бабкой Антихриста. Я отправил эту книгу в Ватикан. Личный секретарь Папы выражает свою благодарность за нее и добавляет от себя:

Продолжайте, мисс, продолжайте писать и развенчивать эту богохульную секту! Только поэтому Провидение позволяло Вам столь долгое время пребывать в ней... Я постоянно поминаю Вас в своих молитвах и с совершеннейшим почтением говорю, что я искренне Ваш,
Монсеньор Винченцо Сарди».

Самое влиятельное католическое обозрение в мире – *Civiltà Cattolica* – официальный орган генерала Ордена Иезуитов с редакцией в Риме, в своем выпуске 1/110 от сентября 1896 г. публикует следующие строки:

«Мы хотели бы хотя бы один раз иметь удовольствие публично благословить отважных победителей, впервые оказавшихся в свете рампы. Среди них достойная мисс Диана Воган. Мисс Диана Воган, призванная из глубин тьмы на Свет Божий, по велению Божественного Провидения, вооруженная наукой и личным опытом, обратилась к Церкви, дабы служить ей. Она буквально неистощима на весьма ценные материалы, несравненные по своей точности и полезности».

В окружении Верховного Понтифика мисс Диана Воган считалась не только героиней воинственной антимаасонской полемики – ее ставили на одну ступень со святыми. Когда на нее начались нападки, секретарь кардинала Пароччи писал ей из Рима 19 октября 1896 г.:

«Продолжайте, мисс, пером и молитвой, несмотря на все усилия сил адовых, ковать оружие для преодоления Врага рода человеческого. Война идет против всех деяний всех святых, нет посему ничего удивительного в том, что и Ваши усилия не пропадут даром...

А. Вийар

Прелат резиденции Его Святейшества

Секретарь Его Высокопреосвященства кардинала Пароччи».

Вам отлично известно, господа католические журналисты, что эти письма действительно были отправлены мисс Диане Воган. Сегодня они могут вас смутить, однако это исторические документы; они не поддельные, и их высокопоставленные авторы и не думают оспаривать свое авторство. Они не только выступили в роли покровителей моего розыгрыша, но они действительно верили в то, что женщина, с которой

они переписывались, настолько духовно возвышенна, что вступит уже в их игру и начнет готовить «чудеса» по их заказу.

У нас не так много времени сегодня, и я хотел бы познакомить вас с еще одним фактом того же порядка. Всем известно, что, в соответствии с католической легендой, когда сожгли Жанну Д'Арк, палач ее был поражен тем фактом, что сердце ее осталось в огне целым и нетронутым, хотя остальное тело обратилось в золу. Затем, по распоряжению бейлифа, руководившего казнью, сердце было выброшено в Сену. Французское духовенство требует канонизации Жанны, но канонизация происходит в Риме, а Рим находится в Италии. Французское духовенство уже обнаружило реликвию девы, которую ранее приговорило к смерти, а именно обуглившееся ребро. Но в Италии приготовили нечто получше. Там поддержали некую третьеразрядную монахиню, которую посетила невероятная мысль, что именно ей предначертано возвратить сердце Жанны людям; она не сомневалась, что ангел принесет ей его. Эта сверхмистически настроенная монахиня сообщила о своем намерении в специальном письме мисс Воган, и сам секретарь кардинала-викария рекомендовал мисс Воган вступить в переписку с этой набожной особой, дабы обменяться впечатлениями относительно сверхъестественных явлений, связанных с Жанной Д'Арк. Без дальнейших слов ясно, что именно он имел в виду. Будьте уверены, в один прекрасный день ангел принесет ее сердце, только не во Францию, а в Италию, точно так же, как в свое время ангелы перенесли дом Марии из Назарета – Лоретте⁷. Жанна Д'Арк будет канонизирована, и все французские паломники, прибывающие в Италию, несомненно будут посещать итальянских владельцев чудесным образом обретенного сердца, и посещения их будут приносить последним ощутимую прибыль, ведь правда? (Смех.)

Действительно, милости князей Церкви щедрым потоком изливались на мисс Диану Воган. Масоны Франции, Италии и Англии, конечно, втайне посмеивались над всем этим шумом, и правильно делали. С другой стороны, один немецкий масон, Финдель⁸, просто разбушевался – даже выпустил протестующий памфлет. Он был так разгневан... Но это было все равно, что палить из пушки по воробьям. Но громкая реакция на его выступление была мне просто жизненно необходима. Финдель угрожал завершающей стадии моего розыгрыша. Его главной ошибкой стало то, что он посчитал все происходящее заговором иезуитов – бедных иезуитов! Я им, помнится, послал однажды кусочек хвоста Молоха, чтобы они скорее поверили в палладизм! (Взрыв хохота.)

⁷ Популярная церковная легенда XV в. о переносе дома Девы Марии в Анкону в Италии.

⁸ J.G. Findel, автор книги *History of Freemasonry* (1861).

Беспокойство закралось в души князей Ватикана. Бросаясь из одной крайности в другую, они впали в панику. Они начали задумываться, не оказались ли они вовлечены в титанический розыгрыш, имевший своей целью отнюдь не возвеличивание Церкви, но ее крах. Они назначили тайную следственную комиссию, которой надлежало установить, во что следует верить, а во что – нет. С тех пор опасности преследовали меня, меня буквально обложили со всех сторон, но я не собирался терпеть поражение. Особенно опасен был заговор молчания, угрожавший совершенно похоронить мой розыгрыш в стенах темницы специальной комиссии, строжайше запретившей католическим газетам писать на данную тему.

Мой приятель-врач отправился в Кельн и оттуда сообщил мне, как в целом обстоят дела. Предупрежденный им, я отправился на Трентский конгресс, и когда вернулся, первым, кого я встретил, был все он же, и тогда же я рассказал ему о своих страхах относительно заговора молчания. Тогда же мы договорились обо всем, что следует в связи со сложившимся положением сделать и написать. Если издатели *Universe* сомневаются в истинности моих утверждений, я просто перескажу им отрывки, вырезанные ими из письма д-ра Батейля перед публикацией. Именно я зажег костер, который был так необходим всей мировой прессе, и породил все это невероятное эпическое представление. Мне было нужно время, чтобы взрыв возмущения воинствующих католиков, их полемика со сторонниками и защитниками мисс Дианы Воган попали в центральные газеты, идущие в ногу с прогрессом и насчитывающие миллионы подписчиков и просто читателей.

Прежде чем завершить свое выступление, я хотел бы выразить признательность некоему неизвестному шутнику, своему хитрому американскому коллеге. Нам, шутникам, даже не нужно обмениваться письмами или перезваниваться, чтобы узнать друг друга в разных частях света. Посему выражаю свое уважение дорогому жителю штата Кентукки, который, по доброте душевной, решил нам помочь, хотя между нами не существовало никакой предварительной договоренности, и подтвердил откровения мисс Воган луисвилльской *Courier-Journal*, сказав, что тесно общался с мисс Воган на протяжении семи или восьми лет и подтверждает все ее слова, потому что сам встречался с ней в различных тайных обществах Европы и Америки... где она сроду не бывала.

Дамы и господа!

Вам было ранее сообщено, что сегодня палладизм будет раздавлен, более того – уничтожен. Больше его не существует. В ходе покаяния перед отцом-иезуитом в Кламарте я признался в якобы совершенном мною убийстве. Ну что же, придется признаться еще в одном преступлении. Я

совершил детоубийство. Палладизм мертв и более не воскреснет. Убит он только что прямо перед вами, убит своим отцом.

Шум, общее волнение.

Среди слушателей смех, аплодисменты. Католики свистят и кричат.

Аббат Гарнье забирается на стул и пытается обратиться к аудитории, но его заглушает улюлюканье.

Несколько слушателей запевают комические куплеты Мези «О святое сердце Иисуса».

Экземпляр газеты предоставлен Пьером Мольером, библиотекарем Великого Востока Франции.

Английский текст и комментарии Алена Бернхайма, А. Уильяма Сами и Эрика Серейски; русский текст Е. Кузьмишина.